
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ И БРИГАНТИНСКОЕ СКАЗАНИЕ: КНУТ ГАМСУН И ФЕНОМЕН НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

...Хотя некоторые маститые литературные критики и упрекают автора этих строк, что-де «Колонка...» литературного журнала должна быть не столь пространной, отстраненной от личностных взглядов главного редактора... и так далее, но мы ответим прямо, по военно-морскому: кораблем управляет капитан; на то он и назначен командиром, чтобы выбирать наиболее правильный курс. Мы уже убедились за девять лет издания «Приокских зорь», что наш курс абсолютно верный. У нас не спутаешь норд-ост с норд-вестом, ибо журнал — сугубо русский классический, следующий заветам Пушкина с его «Современником» и «Отечественными записками» Некрасова. На том и стоим.

Это все к слову. Но читатели «Приокских зорь» все же несколько удивятся заглавию настоящей «Колонки...». Оно и верно; мы впервые обращаемся к зарубежной литературе, тем более — норвежской рубежа XIX и XX веков. Во-первых, далеко нелишним будет сказать (напомнить для литературно просвещенных читателей) о феномене этой литературы. Ведь вся читающая Россия в то далекое время, что, говоря словами Поэта, «от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды», с нетерпением ждала очередной номер подписной «Нивы» с приложением «тетрадей» нескольких полных собраний сочинений классикой русской и зарубежной литературы, в том числе Гамсуна.*

Во-вторых, наш журнал является не только всероссийским, но де-факто и международным. Поэтому должны уделять внимание и писателям русского Зарубежья, творящим не «стыке» русской и иностранной литератур. Итак, феномен скандинавской, особенно норвежской литературы, во временном ареале охватывающий примерно последнюю четверть XIX века и столько же начала XX века. И не только литературы, но и музыки, и всей общей культуры. В определенном смысле и, конечно, масштабировании феномен скандинавской литературы иногда сравнивают с великим подъемом русской литературы, музыки и общей же культуры, начавшейся в первой трети XIX века, перешедшей в веке двадцатом в советскую культуру. Не менее, но, скорее, и более великую.

Подчеркиваем слово «м а с ш т а б и р о в а н и е», ибо даже по численности населения на рубеже веков Российская Империя превосходила ту же Норвегию в 70 раз (!). Не говоря уже об историческом и культурном «долголетии» нашей страны...

Итак, песня Сольвейг из «Пер Гюнта» Эдварда Грига по произведению Генрика Ибсена и драма Кнута Гамсуна с подзаголовком «Бригантинское сказание» — вот апофеоз короткого, но столь значимого и яркого периода феномена норвежской литературы, музыки и общей культуры. Почему именно акцентируются эти два име-

* В то время массовая литература издавалась в «тетрадах», то есть сброшюрованных нескольких печатных листов (п.л. — типографский термин) во временной бумажной обложке, неразрезанных (отсюда и такое архаичное сейчас понятие, как нож для резки бумаги). Все это потом переплеталось по вкусу (и деньгам) читателей.

ни: Григ и Гамсун? Ведь не меньшими талантами были в то время финский — по национальности швед — композитор Ян Сибелиус и многие норвежские и датско-норвежские писатели: основоположник собственно норвежской литературы Бьёрн-стьерне Бьёрнсон, тот же Генрик Ибсен, Неруп, критик Георг Ибсен... А петербургские символисты горячо обсуждали «Сны и явь леди Градивы». И сейчас не только литературоведам знакомы имена: К. Колет, А. Кьелланд, Ю. Ли, А. Скрам, С. Унсет и многие другие.

Одно пояснение к сказанному в предыдущем абзаце. Это о датско-норвежском языке. Напомним, что к собственно скандинавским, исторически сложившимся государствам относятся Норвегия, Швеция (уже без Финляндии, в 1807 году «подаренной» Наполеоном России — по итогам Тильзитского мира...), Дания и Исландия. Да еще малочисленное — потомки викингов — пришлое население Гренландии. Еще заметим, что архипелаг Шпицберген до 1920-го года де-факто являлся русским со времен Новгородской республики. Языки всех скандинавских народов относятся к северной ветви германских и достаточно близки друг другу.

Древненорвежский язык происходит от исландского, но со времен норманнов-викингов норвежский язык очень сблизился с датским, как следствие, в числе прочего, тесного соседства (взгляните на географическую карту!). Более того, до начала последней трети XIX века датский язык являлся общепризнанным литературным языком Норвегии.* И на титульных листах выходивших в России до конца этой трети века книг норвежских писателей стояла чаще всего: «Перевод с датско-норвежского...».

...И все же Григ и Гамсун стали музыкально-литературной вершиной норвежского феномена рубежа веков. «В мелодиях Грига такая нега...» — это лейтмотив одной из поэм Игоря Северянина, но мы вернемся к главному предмету нашего рассмотрения феномена: литературе окраинной европейской страны, в то время не имевшей никакой промышленности и кормившейся исключительно селедкой и вяленой треской-ворванью. А, так сказать, количественная сторона феномена просто потрясает: на рубеже веков в Норвегии на триста жителей приходился «свой» писатель! Конечно, среди них были и буквально «свои», так сказать, уездной известности, но ведь были и названные выше, с всеевропейской известностью, был и нобелевский лауреат (1920 год) Кнут Гамсун?

В том-то все и дело, что сама природа тогдашней патриархальной Норвегии, недавно отъединившейся от Швеции и обретшей национальную самоиндефикацию, довела над характером социума, малочисленно разбросанного по большой территории, во многом сохранявшего хотя бы и внешние, но традиции «страны королей в каждом фиорде» норманнских времен VIII—XI веков.

...О специфической природе Норвегии, особенно северной, откуда родом Гамсун и где происходит действие основных его произведений, природе, которая, если так можно сказать, при всей ее дикости и скудности властвует над человеком, мы судим не умозрительно, ибо автор этих строк родился и вырос совсем недалеко от селения Гамсунд, откуда родом Кнут Педерсен, впоследствии взявший имя Гамсун, «потеряв» последнюю букву названия своей малой родины. Естественно — по другую сторону советско-норвежской границы, в маячных окрестностях города воинской славы Полярного.

* «Отделившись» от датского, к концу XIX века современный литературный норвежский язык существует в двух формах: риксмол (букмол) — результат смешения датского языка и говора столицы Осло (ранее — Христиания) и лансмол (новонорвежский) — искусственный язык из синтеза различных норвежских диалектов... Это как нынешний «украинский» (государственный) язык, то есть галицийское наречие (язык Грушевского) — польского и немецкого (австрийского) языков.

Но вырос на тех же голых, обросших лишь лишайником, скалах на берегу выходящего в Баренцево море фиорда Кольский залив. И вообще говоря, географически Кольский полуостров суть восточное окончание Скандинавии. И коренное население нашего кольского Севера и Норвегии одно и то же: малочисленные лопари — финское племя саамов. И так же как герои романов Гамсуна, выходили мы, пацаны, на шлюпке на стрежень Кольского залива ловить «на поддев», подгребая-увертываясь от проходящих крейсеров, эсминцев и подводных лодок, идущих на плаву, а также от стай кувыркающихся касаток. Потом эту треску, только обезглавленную и ошкуренную, вялили на щедром летнем, незаходящем солнце, как белье, развесив на веревках, пристегнутую к ним прищепками... А на сеledку ставили неводы артели из прибрежных рыбхозов. Так что, исключая крейсера, эсминцы и подводные лодки, картина окружающего нас была такой же, как ее видели герои романов Гамсуна без малого сотню лет назад. — И чуть западнее от наших мест. И за Полярным кругом: «ребята семидесятой широты».

Книги его в СССР не печатались до 1970 года, когда стотысячным тиражом был издан двухтомник лучших романов норвежского классика, написанных им на рубеже веков, а том числе знаменитые «Голод» и «Пан». Поэтому Гамсуна для себя открыл по приезду с севера в Тулу в начале второй половины 60-х годов. — Благодаря местной «Буккниге», очень богатой в те годы на староизданные раритеты. В изобилии имелись и нивские «тетради» дореволюционного пятитомного полного собрания сочинений Гамсуна (Издательство А. Ф. Маркса 1910 года). На синесахарной бумаге обложек присутствовал один и тот же рисунок: викинг пристально смотрит вдаль, опираясь на скалу и держась за ветвь дерева.

Я не поэт, никогда им не был и не стремился стать... но в юности все мы помаленьку отдавали незрелую дань музе Каллиопе. Так и у вашего покорного слуги выразилось описание этой обложечной иллюстрации:

*До горизонта тянется фиорд
И ломаная цепь нагих березок,
Скрученная в бореях и морозах.
Тяжело дышит стужей синий норд.*

*Над фьордом, над пучиною седой,
Вцепившись в березы ствол крученный,
Куда-то смотрим викинг, удрученный:
Невзятою добычей иль бедой?*

*Могучий стан, а волосы в косу.
Бедна одежда, но несет красу
Узор рубахи ромбом у норманна.*

*Лихою славой он оваян был;
Приник к скале и навсегда застыл.
Он и скала. Два гордых великана.*

...Помнится, все хотел вставить строку с «бригантинским сказанием» — подзаголовком к гамсуновой драме «Мункен Вендт», но не получалось: не позволяла невесть почему выбранная сонетная форма стиха, очень строгая к «архитектурному излишеству». А в школе на уроках литературы Гамсуна называли не иначе как носи-

телем идеи антисоциального индивидуализма. Но к этому мы еще вернемся. Заметим только, что родной (это пишем без всякой «ухмылки») советский Агитпроп, делая в целом полезную работу, слишком резковат был. Прямо-таки по-маяковски. И здесь понять можно: несомненно, Гамсуна можно смело характеризовать как сузубого художника-индивидуалиста. Опять же над Агитпропом висел дамоклов меч — опозоренная старость великого мастера слова... Им же самим опозоренная.

Но вот в период расцвета таланта Гамсуна на рубеже веков его слава в России — и особенно в России, где тогда вотум «антисоциального индивидуализма» категорически отрицался, полагалась бесспорной. Достаточно перечислить имена переводчиков на русский язык его романов, пьес и стихов, более чем известных наших литераторов: Александр Блок, Ю. К. Балтрушайтис, Осип Дымов, К. М. Жихарева, Константин Бальмонт, Сергей Городецкий. И. И. Ясинский, Л. Василевский. Пожалуй, только один Лев Николаевич не одобрял творчество Гамсуна, но — попутно заметим — он Шекспира более не одобрял... А под конец долгой жизни и все собственное творчество, исключая две-три свои притчи и небольшой рассказ «Суррайская кофейня». А его «Хаджи Мурат» — апофеоз все того же «антисоциального индивидуализма» (!).

Чтобы закончить воспоминания о первом знакомстве с произведениями Гамсуна, остановимся на горькой ноте. Это уже традиционное современное «нечитательство». Когда сорок с небольшим лет назад вышел первый советский двухтомник Гамсуна, это было воспринято в нашей литературной жизни, а на черном книжном рынке спекулянты, предтечи нынешнего «предпринимательства», спрашивали за него месячную зарплату инженера... правда, рядового, не главного. А пару месяцев тому назад зашел во всю ту же тульскую «Буккнигу» и приобрел пятитомник все того же «ниевского» издания Полного собрания сочинений 1910-го года норвежского классика, причем добротного переплета и в золотом тиснении — и всего-то за одну кредитку с видами города Ярославля. Причем продавица по своей инициативе еще и скидку сделал: «билет в Большой театр». Дескать, залежались у нас эти книги... Дабы не повторяться, по этому поводу отсылаем читателя к «Колонкам» журнала за 2012—2014 гг.

Как у всякого большого таланта, жизненный путь Гамсуна был более чем нелегким. Принесший ему мировую славу первый роман «Голод», во многом автобиографический, тому подтверждение. Приведем характерные купюры из критико-биографического очерка А. А. Измайлова, открывающего «ниевский» пятитомник, рисующие начало творческой жизни Гамсуна.

«Родина Кнута Гамсуна — м. Лоэн, в Гудбрандстане, в северном департаменте Норвегии, дикая местность, лесистая и горная... Это бедное местечко, где крона — большие деньги, где жители едят мясо только по праздникам. Во времена детства Гамсуна здесь, случалось, голодала вся община. Ей приходилось плохо, если промышленник не соглашался дать муки и соли в счет охоты и улова... Маленький Кнут, проживший детские годы на Лофотенских островах, был мальчиком у сапожника в Бодё, ходил одновременно в школу учиться и к сапожнику обучаться ремеслу. «Пожалуй, и теперь я был бы недурным мастером», — сказал он однажды интервьюеру.

Это было еще ничто в сравнении с тем, что пришлось ему пережить позже. Сбежав от сапожника, он много мытарствовал и, как высший пост в жизни, занимал должность писца у деревенского констебля.

Здесь-то, «будучи на государственной службе, в качестве ближайшего помощника сельской власти», он начал писать.

Произведения свои Гамсун долго прятал от нескромных глаз и от заслуженных насмешек.

В этой выдержке была своя хорошая сторона. Всякое тайное занятие разжигает творца. Если б Гамсун тогда же получил поощрение, быть может, оно погубило бы его. Но тайное писание, дрожание ночью над бумагой, рой мыслей, робкие начинания — все это, по его словам, заставляло думать и... любить тот «порок», которому предавался... Лишившись службы в волости, Гамсун сделался каменщиком. «Таскать булыжники и мостить улицы, — подлинные слова писателя: «Совсем уже не плохое занятие... По крайней мере, честное. Но руки грубеют от работы, невозможно держать перо в руках».

А бросить это перо он не хотел ни за что, видя в этом свое назначение. Не без препятствий Педерсен разыскал Бьёрнстьерне Бьёрнсона. Знаменитый писатель, узнав, что молодой человек собирается в Америку, дал ему рекомендательное письмо к капитану Моэстуэ» (окончание цитирования).

И так далее — начались странствия Гамсуна по свету: нелегкая трудовая жизнь в Америке: Эльроу, Миннеаполис. Чикаго, Техас. Именно здесь он пережил многое из того, что описано им в «Голоде». И тема сугубого одиночества — все это от американской жизни. Непосильный, тяжёлый физический труд и постоянный голод привели Гамсуна в 1885 году к тяжелой болезни; излечила его только родина, с трудом смог добраться до Норвегии. Через год он снова в Америке, но уже в качестве фельетониста от детской газеты «Verdensgaang». Далее жизнь в Копенгагене; а в Америку его больше не пустили (и тогда уже в США существовала «система санкций»!) за злосатирические очерки «Духовная жизнь Америки». В Копенгагене вышел «Голод», сделавший Гамсуна мировой литературной знаменитостью. Еще один отрывок из очерка А. А. Измайлова: «...Переведен он на четырнадцать языков. Известность его должна быть признана мировой. В России первая восторженная статья (по поводу «Пана») появилась в «Сев. Вестнике» и принадлежит поэту К. Льдову.

В настоящее время Гамсун живет в скромном, занесенном снегами, горном местечке, в 5-ти милях (55-ти верстах) от Христиании. Он женат. Имя его маленькой дочери — Виктория.

Популярность его огромна у себя и за границей. Многие едут в Норвегию только для того, чтобы побывать на родине Гамсуна. Особенно любят его русские.

...Любопытную характеристику его, как человека, дает одна русская переводчица автора «Голода». «Существует,— пишет она,— собственно два Гамсуна. Один — всецело поглощенный тем своим произведением, которое он в данное время задумывает и пишет, крайне нелюдимый, живущий где-нибудь на чердаке, так, чтобы его невозможно было отыскать, и строго-настрого запрещающий своему издателю сообщать кому бы то ни было его адрес.

Другой Гамсун — по окончании работы — таков, каким он изобразил себя в повести «Под осенними звездами», пьющий вино, виски, — много виски.

В это время Гамсуна можно встретить во всех ресторанах в компании местной художественной и литературной богемы.

Ни тот, ни другой Гамсун не может быть доступным и общительным собеседником, тем больше для иностранной публики, так как он говорит почти исключительно на норвежском языке».

...Однако, достаточно о биографии норвежского классика. Внешне она маловпечатлительная, да и не в ней суть нашего рассмотрения.

Согласно концепции Льва Гумилева, феномен в этногенезе, в частных его проявлениях, в той же общей культуре, искусстве, литературе есть проявление пассионарности нации. С этим можно, даже нужно согласиться. Но (далеко) не всегда. Да, был у скандинавов, прежде всего норвежцев, исландцев и датчан период высочайшей военно-грабительской пассионарности — викинги VIII—X веков. И кто сей-

час, спустя тысячу с лишним лет, узнает в тишайших народах Европы — норвежцах и датчанах, не говоря уже о забытой всеми, кроме НАТО, Исландии,* викингов, некогда наводивших страх и ужас на всех живущих от северных морей и до моря Средиземного? И литература соответствовала тому пассионарному взрыву: прежде всего исландские саги.

Нет, конечно, в нищей и полуголодной Норвегии на рубеже веков никакого, кроме как культурного, всплеска пассионарности и быть не могло. Просто система всеобщего школьного образования, сложившаяся ко второй половине XIX века в северном тихом королевстве, а главное — дикая, но такая чарующая природа Скандинавии, в практическом отсутствии культурного общения с бурлящей Европой и призвала к жизни всем доступный способ самосознания и самовыражения: литературное творчество.

И еще позволим себе сказать, избегая модного сейчас обвинения в «русском имперском мышлении», что норвежский феномен, равно как возникновение и становление в конце XIX века национальных литератур входящих в Российскую империю Финляндии, Латвии и Эстонии, во многом обязан русской литературе. Как и в музыке: не зря же музыку Эдварда Грига, но особенно — Яна Сибелиуса музыковеды ассоциируют с творчеством Чайковского и Римского-Корсакова?

Читая внимательно романы и повести (сам он их не «распределял» по жанрам) Гамсуна, постоянно натываемся на имена русских классиков XIX века: пасторская дочь читает Достоевского; захворавшему никудышному трудяге-мужичку приносят почитать тургеневского «Рудина», а на именинах у местного торговца небольшого села тамошний «бомонд» горячо спорит «на десерт стола» о Льве Толстом. Это при том, что во всех произведениях Гамсуна другие европейские писатели почти не упоминаются...

Благо, что в то время действовала очень активная система взаимных переводов датской (датско-норвежской) и русской литературы, у истоков которой стоял датский европейски известный литературный критик и литературовед Георг Брандес. В 1910-е годы в России вышло его 20-томное собрание сочинений. Имена знаменитых русских переводчиков уже были названы выше.

Кнут Гамсун стал классиком норвежской литературы, «возглавив» на многие десятилетия ее феномен. При всем том, что за ним не числится ни литературных скандалов, ни чьего-либо высокого покровительства... ничего кроме данной природой безудержного таланта, весьма своеобразного, сугубо индивидуального и, еще непременно добавим, той дикой, величественной, внешне спокойной природы Северной Скандинавии. И жизненные мытарства детства, юности и взросления писателя не следует сбрасывать со счетов.

Но все же именно роман «Голод» дал миру известного писателя Гамсуна, доселе никем не знакомого — кроме редакций малотиражных газет, пыльные пороги которых обивал будущий нобелевский лауреат.

Голод — он и в Африке, и в Норвегии конца XIX века голод. Точнее — в столице ее Христиании, затем ставшей Осло. Собственно роман и начинается словами: «Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному горо-

* В советское время на Земле Франца-Иосифа располагалась усиленная дивизия воздушного и морского десанта — дивизия первого удара по НАТО^{вским} базам в Исландии, которая далее рассматривалась как атлантический плацдарм наступления на Западную Европу «с морей».

** Тот же Л. Н. Гумилев, умевший порой находить простейшие разгадки вроде необъяснимых коллизий мировой истории, очень просто объяснял неистовую ярость и безумную храбрость норманнов в сражениях: они жевали перед битвой сушеный мухомор — сильнейший галлюциноген. То есть «сто граммов перед атакой».

ду, который навсегда накладывает на человека свою печать... Временами, когда везло, мне удавалось получить пять крон за статью в какой-нибудь газете».

И так далее весь полторастраничный роман. Возможно, каждый из нас (речь, конечно, не идет об исключительных временах вроде военного лихолетья...) в силу тех или иных обстоятельств испытывал чувство голода. Опять же мы не о сиюминутном ощущении, что называется, «между обедом и поздним ужином». Тот же студенческий, экспедиционный — туристический экстраординарный пустой желудок. Но постоянный голод, как в романе Гамсуна, это нечто другое. Здесь голод становится «царем-голодом», и вся сущность человека — от бродяги до героя Гамсуна, пишущего для газет статьи об искусстве Возрождения, тонкостях мастерства кисти Корреджо или Бруннелески — меняется полностью: даже соблюдая внешние приличия и подобие человеческого достоинства, постоянно голодающий превращается в животное, того самого «антисоциального индивидуалиста», к какой-то категории относили Гамсуна-писателя официальные советские литературоведы агитпроповского толка...

Даже женщины для голодного не существуют: «— Вы, конечно, идете к другой,— сказала она.— Нет,— ответил я. Ах, у меня не было никакой охоты к этому, девушки стали для меня почти все равно что мужчины, нужда иссушила меня. Но я чувствовал, как жалок я в глазах этой странной девушки...».

То ли в голодном полубреду, а может и наяву герой Гамсуна создает себе все же образ-облик вечной незнакомки, которую нарекает звучащим именем Ила я ли. То ли в бреду, то ли наяву он встречается постоянно с ней, но, как и все другие люди — женщины, прежде знакомые мужчины, видя его пошатывающимся, дескать, старина, опять засиделся в «Гранде»,* тотчас оставляют его же, узнав, что он просто-напросто голодает.

Так разве Гамсун и его герои антисоциальны, если мир вокруг таков, что выпитый человек стоит на две-три ступени выше, нежели просто голодный? Нет, Кнут Гамсун был не антисоциальным, но просто ненавидел надвигающееся на его родную Норвегию мурло капитализма-империализма с его — в том числе — социальным лицемерием.

После принесшего Гамсуну всеевропейскую славу «Голода» один за другим появляются его романы «Мистерии», «Пан», «Виктория», «Под осенней звездой», «Странник играет под сурдинку», пьесы, рассказы, стихи. Место действия большинства романов и пьес — родная его Северная Норвегия, многие их герои — переходящие из произведения в произведение: с первых ролей на вторые-третьи и наоборот. Как в романах «Бенони» и «Роза», как Мункен Вендт — то упоминаемый в других произведениях, то выходящий на главную роль в стихотворной драме «Мункен Вендт. Бригантинское сказание в восьми действиях». Так на протяжении десятилетий создается своеобразный «мир Гамсуна», сущность и содержание которого можно передать его стихотворением «Юность» (в современной орфографии):

Как здесь, у пьанино, повеяло вдруг
Цветущей, далекой весной!..
То запах от девственной кожи твоей,
Кода ты клонишься головкой своей,
Встает ароматной волною.

Плывет золотистый туман предо мной,
С мелодией нежной сливаясь.

* Самый престижный ресторан в тогдашней Христиании (Осло).

*Не знаю,— уйти ли, остаться ли мне?
Весенняя молодость манит к себе,—
Стоял я перед нею, смущаясь.*

*О, вечная молодость, твой я слуга,
Твой раб за одно позволение
Коснуться губами ботинки твоей!..
И вдруг из-под розово-бледных ногтей
Смолкает струн тихое пенье...*

*Ну, что же теперь? Дверь открылась за ней,—
Так просьба моя испугала.
Но странно устроено сердце мое:
Я всем остальным предпочел бы — ее,
Которая мне отказала...*

(Пер. Г. Галиной; Т. 5 «нивского»
издания Собр. соч. Гамсуна).

Любовь в произведениях Гамсуна, как правило, мучительная взаимно, без всяких «хэппи-эндгов», обычно трагически завершающаяся, разделяет «первую скрипку» с полной подчиненностью человека природе. Вершиной такого слияния является роман «Пан» — в образах лейтенанта Глана и Эдварды — одной из переходящих героинь в романах Гамсуна; она же появляется в «Бенони» и других произведениях уже вдовой финского барона. Кстати, отметим, что любовь у Гамсуна покрыта ореолом таинственности, никакого даже намека на натурализм. Единственная сцена, хоть как-то намекающая на него — это в «Бенони» купание вдовой баронессы Эдварды с лопарем Гильбертом ночью, голыми при луне в лесном озере у капища древних язычников...

Но вернемся к «Пану»: «Эдварда глянула на меня, и я на нее. Тут сердце мое дрогнуло, как от нежного привета. Это все весна, все яркий день, мне запомнилась та минута. И потом у Эдварды были такие восхитительные, дугами выгнутые брови».

Едва успев завязаться, взаимная приязнь разрушается по непонятной обоим причине. Эдварда в бешенстве бросает Глану гневные слова: «Нет, нет, он не ничтожество! — кричит она, и голос ее срывается от гнева. — Он совсем не такой, как ты воображаешь, лесной дикарь! Вот погоди, он еще с тобой потолкует, я попрошу его! Ты думаешь, я не люблю его, так ты скоро увидишь, что ошибся. Я пойду за него замуж, я день и ночь буду думать о нем. Запомни, что я сказала: я люблю его. Пускай приходит твоя Ева, ох, господи, пускай ее приходит, до чего же мне это все равно. Мне бы только поскорей уйти отсюда...— Она пошла прочь от сторожки, сделала несколько быстрых шажков, обернулась белая, как полотно, и простонала:

— И не смей попадаться мне на глаза».

Казалось бы, вечная любовная коллизия: уже опытный в жизни Глан, совсем юная Эдварда — непонимание возрастов в таком тонком, чувственном деле, невольная ревность и поддразнивание... но не это есть главная сюжетная линия романа. Языческий бог природного устройства Пан довлеет над всем живым и косным в этом северном миреке, еще не захваченном Молохом нивелирующей души людей капиталистической «цивилизации».

